

УДК 314.743(470)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-112-120

Павел Олегович Саввинов,
Институт истории СО РАН
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: pavel_savvinov@mail.ru

Егор Петрович Антонов,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(г. Якутск, Россия),
e-mail: Antonegor@Gmail.com

Проблема исследования якутской эмиграции в историографии

История российской эмиграции всегда привлекала внимание исследователей, начиная с трудов советских историков. В данный момент в современной российской исторической литературе представлены различные взгляды и суждения о российской эмиграции. История якутской эмиграции находится на стадии становления. Начиная с 1990-х гг., тему якутской эмиграции и «якутского мира» за границей начали разрабатывать историки, краеведы, журналисты, тем не менее в якутской историографии тема эмиграции остаётся «белым пятном». В данной статье, в рамках проекта, посвящённого ментальным характеристикам мира якутской эмиграции в эпоху войн и революций, охватывающих широкий пространственно-временной континуум (конец XIX в. – 20-е гг. XX в.), рассмотрены проблемы исследования якутской эмиграции в историографии. Авторами для раскрытия темы применялся проблемно-хронологический метод. В заключении, проанализировав собранные в статье труды историков, краеведов, писателей и др., авторы приходят к выводу, что в историографии отсутствуют до настоящего времени обобщающие труды по истории якутской эмиграции, где изучался бы опыт её адаптации на пограничье Востока и Запада, и это требует системного исследования.

Ключевые слова: марксистско-ленинский подход, контрреволюция, Гражданская война, белогвардейцы, революция, национальная интеллигенция, якутская эмиграция

Pavel O. Savvinov,
Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: pavel_savvinov@mail.ru

Egor P. Antonov,
Institute of Humanities Studies and Problems of Small Nations of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia),
e-mail: Antonegor@Gmail.com

The Problem of Research of Yakut Emigration in Historiography

In Russia, the Russian emigration has always been a topic of scientific interest starting from the works of Soviet historians. This article presents different issues and opinions on the development of Russian emigration. The history of the Yakut emigration is in its infancy. The topic of the Yakut emigration and the “Yakut world” abroad has been developed mainly by historians, local lore journalists since the 1990s. Nevertheless, in Yakut historiography the topic of emigration remains a “blank page”. So, within the framework of the project devoted to the mental characteristics of the world of the Yakut emigration in the era of wars and revolutions covering a wide space-time continuum (the end of the 19th century – the 1920s), this article is devoted to the consideration of the problems of studying the Yakut emigration in historiography. The authors used the problem-chronological method for disclosing the topic. Analyzing the works of historians, local historians, writers, the authors conclude that there have been no generalizing works on the history of the Yakut emigration where the experience of its adaptation to the frontier of the East and the West is studied and this requires a systematic study.

Keywords: Marxist–Leninist approach, counterrevolution, national intellectuals, civil war, White Russians, revolution, Yakut emigration

Введение. Революция, Гражданская война и образование советской России привели к созданию российского зарубежья, вклю-

чавшего в себя всех эмигрантов из России, находящихся в разных странах мира. Среди эмигрантов были беженцы, спасавшиеся от

© Саввинов П. О., Антонов Е. П., 2019

Гражданской войны, а также политические эмигранты, то есть идейные противники советской власти. История российской эмиграции всегда привлекала внимание исследователей, и формирование её за рубежом до последнего времени оставалось темой не достаточно изученной. В эмиграции также оказались представители Якутии.

На её территории Революция 1917 г. и Гражданская война, начавшаяся в 1918 г., являлись прямым продолжением Гражданской войны в России. Они раскололи национальную интеллигенцию на две части по вопросу о развитии родного края в XX веке. Так, первые из представителей интеллигенции (М. К. Аммосов, П. А. Ойунский, И. Н. Барахов и др.) восприняли ценности нового социалистического строя. Вторая часть (Г. С. Ефимов, Г. В. Баишев Алтан Сарын, П. В. Ксенофонов, Д. П. Винокуров и др.) связывала будущее Якутии с демократической автономией без участия коммунистов и с Азиатско-Тихоокеанским миром (Япония, США, Китай и т. д.). Последние после Гражданской войны и с установлением Советской власти в Якутии, являясь идейными противниками нового строя, покинули свой родной край, либо были репрессированы. Их судьбы сложились по-разному, но в основном трагично.

Методология и методы исследования. Методологическим основанием исследования является цивилизационный подход, позволяющий выявить региональные и локальные проблемы, влияющие на всестороннее исследование темы эмиграции. В качестве инструмента историографического исследования был применён проблемно-хронологический метод.

Формирование и развитие в историографии темы российской эмиграции. В историографии эмиграции выделяют три периода в процессе её формирования и развития: 1920-е гг., 1970–1980-е гг. и с начала 1990-х гг. до наших дней [20, с. 81]. В 1920-х гг. уже начали появляться первые работы по российской эмиграции, преимущественно мемуарные труды самих эмигрантов. Так, в 1923 г. выходит в свет книга В. А. Белова. В ней была предпринята попытка, по мнению самого автора, более подробно осветить психологическое состояние русской эмигрантской массы в Европе, её настроение и условия быта, влияние всей обстановки зарубежной жизни на идейную сторону «белого дела». Автор сообщал, что в своей работе он пользовался прежде всего личными наблюдениями, материалами, собранными в двухлетней эмиграции, документальными

данными, опубликованными в эмигрантской прессе и в специальных трудах. Белов отразил «глубочайшую ошибку и заблуждения русской эмиграции». И в этом видел её преступление перед Россией [8, с. 7–149].

В целом в 1920-е гг. в советской историографии история российского зарубежья рассматривалась как продолжение истории Гражданской войны. Перед советскими историками была поставлена задача идеологического разгрома эмигрантской контрреволюции как пособника «мирового империализма».

В период с 1930-х по 1960-е гг. в советской историографии происходит окончательное утверждение марксистско-ленинской методологии. В советской печати продолжают выходить работы по теме «белой русской эмиграции», но это были не столько исторические исследования по изучению послереволюционной эмиграции, сколько труды, вышедшие для решения задач политической борьбы на основе теоретического наследия В. И. Ленина, анализировавшего исторические факты, события, явления и процессы с позиции классового подхода. В целом главной задачей исследователей было признано и изучение, и идейное уничтожение противников (постановление ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время» от 14 июня 1935 г.) [20, с. 81]. Так, М. Н. Покровский в ряде своих выступлений, статей и брошюр выступал с жёсткой критической оценкой в адрес эмигрантской печати. Об этом же свидетельствовал критический разбор М. Н. Покровского «Истории второй русской революции» П. Н. Милукова¹. Таким образом, отечественными историками отмечается, что с середины 1930-х до 1953 г. появление работ о российской эмиграции на её родине стало практически невозможным. После смерти Сталина и смягчения политического климата в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. публикуются воспоминания бывших эмигрантов, вернувшихся в СССР после Второй мировой войны: Б. Н. Александровского, А. Н. Вертинского, Л. Д. Любимова, Д. И. Мейснера, П. А. Оболенского, П. П. Шостаковского, Н. И. Ильина. В целом период с 1930-х по 1960-е гг. в советской историографии оценивается как «пролог» к новому этапу разработки темы «белой эмиграции» в 1970-е гг. [Там же, с. 81].

¹ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. – Вып. 11. – 450 с.

В 1970 г. тема российской эмиграции получает своё развитие в советской историографии после публикации коллективной монографии, посвящённой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В ней авторы, исследуя политические партии, приходят к выводу, что в исторической литературе слабо разработана деятельность «главных буржуазных партий» [9, с. 504]. В связи с этим многие исследователи по изучению «борьбы партий и классов» начали интересоваться историей «белой эмиграции». Стали выходить в свет труды Г. Ф. Барихновского, Г. З. Иоффе, В. В. Комина, Л. М. Спирина, И. Я. Трифонова, С. А. Федюкина, А. Л. Афанасьева, Ю. В. Мухачева, В. В. Сонины, Л. К. Шкаренкова и других.

Г. З. Иоффе в своей монографии, вышедшей в 1977 г., рассматривал «белогвардейско-монархическую» эмиграцию. Он утверждал, что «Российская монархическая эмиграция» появилась раньше других эмигрантских групп. По его мнению, многие представители аристократии, царского дипломатического корпуса, бывшей бюрократии после Февральской революции не вернулись в Россию или выехали за границу. Но Г. З. Иоффе считал, что основной поток «белоэмигрантов» пришёлся на период после Октябрьской революции. И с этого времени эмиграция шла «волнообразно», будучи связанной с «...разгромом белогвардейских формирований». По мнению Г. З. Иоффе, одно «...из первых и самых крупных эмигрантских монархических гнёзд...» возникло на территории Германии в конце 1918–1919 гг. Большинство эмигрантов были из Прибалтики, представляя остатки разбитых белогвардейских войск, которые, по мнению советских историков, поддерживались представителями власти Веймарской республики. В своей монографии Г. З. Иоффе пишет, что эмигранты, бывшие офицеры царской армии, весной 1920 г. участвовали в Капповском путче в Германии [15, с. 267].

В 1981 г. выходит монография Л. К. Шкаренкова. В ней автор исследует историю «белой эмиграции». Хронологические рамки исследования начинаются событиями Октябрьской революции и Гражданской войны и заканчиваются завершением Второй мировой войны. Л. К. Шкаренков пишет, что в своей работе исследовал процессы и тенденции развития «белой эмиграции» до «...её полного идейно-политического краха». Им показано, что белая эмиграция формировалась в ходе революции и Гражданской войны, она состояла из бывших представителей приви-

легированных сословий, сохранявших за границей свои «классовые организации». Белая эмиграция выпускала газеты, имела военные формирования и обладала многочисленными связями с «международной буржуазией». Она состояла из разных представителей политических партий, начиная от крайних монархистов и заканчивая меньшевиками и эсерами, охваченными постоянной борьбой друг с другом [24, с. 16–177].

В данный историографический период исследовательская работа осложнялась рядом обстоятельств: сохранявшейся засекреченностью архивных материалов, недоступностью результатов исследований для широкой профессиональной общественности. Заниматься эмигрантской темой в указанное время можно было только в одном ключе: разоблачая и осуждая эмигрантов. В целом советские историки в своих исследованиях, опираясь на марксистско-ленинский подход при рассмотрении проблемы русской эмиграции, особое внимание обращали на связи «между внутренней и зарубежной контрреволюцией». К российским эмигрантам советские историки относили всех тех, кто не воспринял Советскую Россию во главе с большевиками и эмигрировал после 7 ноября 1917 г., или же тех, кто боролся против Советской власти и был вынужден после поражения бежать за границу. Советские исследователи были убеждены, что «...судьба этих людей непосредственно связана с судьбой тех классов и социальных слоёв России, которым Великая Октябрьская социалистическая революция вынесла свой приговор» [15, с. 265–298]. Таким образом, развитие советской историографии с 1920-х по 1980-е гг. можно поделить на два основных периода. В первый период – с 1920-х по 1960-е гг. большинство работ выполняли идейно-политическую задачу по борьбе с врагами партии. С 1970–1980-х гг. большая часть выводов советских учёных основывалась на доступных материалах советских архивов, на публикациях и воспоминаниях возвратившихся эмигрантов с использованием марксистско-ленинской методологии.

Исследование российского зарубежья в отечественной историографии. Следующий этап в развитии истории российской эмиграции как самостоятельного направления в отечественной историографии начинается в постсоветское время. По мнению отечественных историков, российская эмиграция была хорошо организована, имела высокий интеллектуальный потенциал, накопила опыт

в сохранении национально-культурных традиций дореволюционной России во всех областях деятельности и оказала большое влияние на культуру, искусство, науку тех стран, где оказались эмигранты.

Характерной чертой нового этапа в историографии российского зарубежья является расширение архивных материалов, новые методологические подходы и, как следствие, – междисциплинарные работы, созданные на стыке истории, социологии, демографии, права, философии и других наук. Например, ряд концептуальных подходов к изучению российской интеллигенции и методологический инструментарий были предложены в середине 1990-х гг. А. В. Квакиным и В. Г. Михалевым. В 1996 г. Институтом российской истории РАН под руководством академика Ю. А. Полякова впервые подготовлен сборник, основной задачей которого являлось изучение истории адаптации различных категорий российских эмигрантов в разных регионах мира [20, с. 84].

Начиная с 1990-х гг., выходит ряд новых трудов отечественных историков, среди которых стоит выделить работы Е. И. Пивоварова, Е. И. Алдюхова, В. Ф. Ершова, З. С. Бочаровой, В. М. Селунского, А. В. Окорокова и других. К середине 1990-х определились несколько направлений в изучении российской эмиграции. Их условно можно разделить на четыре группы.

К первой группе относится история эмиграции русских беженцев, возникновение русской военной эмиграции, а также образование русских диаспор, военных союзов, например, «Русского общевоинского союза» и деятельность антисоветских центров военной эмиграции за рубежом и их борьба за политическое влияние над остатками русской армии. Например, начиная с 1998 по 2010 г., выходит подготовленный сотрудниками Института истории Министерства обороны РФ, Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки России совместный архивный проект – многотомное издание «Русская военная эмиграция 20–40-х годов». Большинство документов из Центральных архивов ФСБ и СВР России, вошедших в данный труд, публиковались впервые. Многие из них раскрывают деятельность антисоветских центров военной эмиграции за рубежом и содержат сведения о видных представителях военных и политических организаций русской эмиграции первой волны, раскрывают характер противостояния советских спецслужб с военно-эмигрантскими структурами в 1924–1925 гг. и проливают свет на многие ранее

не известные факты, касающиеся взаимоотношений правительства Советской России с Лигой Наций по проблеме возвращения русских граждан на Родину, деятельности комиссии Ф. Нансена, работы (ВЧК) ГПУ по вопросу эмигрантов в 1921–1924 гг.¹

В 2012 г. выходит монография известного российского арабиста Г. В. Горячкина, посвящённая судьбе российских эмигрантов в Египте. Ядром белой эмиграции в Египте, по утверждению Горячкина, были эмигранты, прибывшие в Александрию «...после разгрома деникинских войск на юге России». Г. В. Горячкин отмечает, что большинство эмигрантов в Александрии долго не задержались. По мнению исследователя, закатом российской эмиграции в Египте являются события 1923 г., когда «надежда на восстановление дореволюционной России иссякла». Автор монографии в этой связи констатирует, что русские оказались в Египте «...в положении бесправных» и «...в ситуации самой оскорбительной, в которой никогда не оказывались представители христианских держав в мусульманской стране». Г. В. Горячкин приходит к выводу, что социальная база эмигрантов в Египте была представлена из высших слоёв дореволюционной России, то есть из помещиков, интеллигентов, юнкеров, кадетов и др. [12, с. 139–233].

Ко второй группе можно отнести политическую историю русского зарубежья и эмигрантских организаций. Так, например, в 2005 г. под научной редакцией С. В. Волкова выходит 26-я серия книги «Белое движение», посвящённая борьбе с большевизмом русской военной эмиграции. Хронологические рамки исследования – 1920–1930-е гг. Большое внимание в ней уделяется истории организации под руководством генерала А. П. Кутепова, существовавшей с 1922 по 1930 г. Её целью было нелегальное проникновение на территорию Советской России для борьбы с большевиками. В книге большое внимание уделяется операции чекистов под названием «Трест», а именно созданию фальшивой тайной Монархической организации России (МОР) с конспиративным обозначением «Трест» со стороны «белых» [22, с. 52–209].

К третьей группе относится история развития русской зарубежной культуры и вклад наших соотечественников в мировую культуру. Так, в 2013 г. А. В. Квакин публикует свою монографию, посвящённую российской интеллигенции в эмиграции. Он впервые вводит в

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы: в 5 т. – М.: Гея: Триада-Х: Триада-Ф, 1998. – Т. 1, кн. 1. – 432 с.; Т. 1, кн. 2. – 752 с.; 2001. – Т. 2. – 484 с.; 2002. – Т. 3. – 576 с.; 2007. – Т. 4. – 980 с.; 2010. – Т. 5. – 753 с.

научный оборот архивные документы России и США. Квакиным рассматривается формирование «культурно-миграционной системы» после окончания Гражданской войны в России. По его мнению, основная масса беженцев принадлежала к «интеллектуальному слою». Квакин, опираясь на слова И. А. Бунина «миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложенная судьбой на нас», утверждает, что у российской интеллигенции в эмиграции была миссия посланников «национальной культуры дореволюционной России в мировую цивилизацию. Большую роль в становлении и развитии культурной жизни российской эмиграции, по мнению А. В. Квакина, сыграли такие страны, как Югославия, Болгария и Чехословакия, правительства которых оказывали материальную и организационную помощь эмигрантам [16, с. 5–224].

И наконец, к четвёртой группе относится белая эмиграция в Китае, которая долгое время оставалась вне круга интересов в советской историографии по причинам идейно-политического характера, а также недоступности архивного материала для исследователей. С середины 1990-х гг. наблюдается значительное проявление исследовательского интереса к истории и, соответственно, к историографии эмиграции из восточных регионов России, относящейся опять же к первой постреволюционной волне. Начиная с 1980–1990-х гг., советскими, затем российскими историками были поставлены отдельные проблемы изучения восточной ветви эмиграции: политические деятели, организации, литература и искусство, театральная жизнь и др.

Проблемы пребывания российской эмиграции в Китае рассматриваются в работах следующих историков: Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, Е. Е. Аурилина, И. А. Батожок, А. И. Букреева, Л. Ф. Говердовской, М. Л. Дубаева, Э. В. Ермаковой, Н. В. Куликовой, Г. И. Малышенко, Т. В. Ревякиной, С. В. Смирнова, К. В. Фомина, В. П. Ямпольского. Так, по последним данным российских исследователей, только в 1920-х гг. Китай принял около 500 тыс. белоэмигрантов из России. Харбин стал одним из основных центров белой эмиграции, где население русских выросло с 60 тыс. в 1918 г. до 165 тыс. человек в 1923 г. Некоторые отечественные историки выделяют три группы эмигрантов. Первая группа состояла из богатых людей, преимущественно дворян, которые не смирились с Февральской, а затем Октябрьской революциями. Вторая группа вышла из Забайкалья и Прибайкалья во второй половине

1919 г. и особенно увеличилась после поражения войск адмирала А. В. Колчака и атамана Г. Н. Семёнова. Наконец, третья волна эмиграции состояла из белых частей Приамурья и Приморья в конце 1922 г.

Из крупных исследований отечественных историков стоит выделить монографию Н. Е. Абловой, вышедшей в 2005 году. В ней историк комплексно исследовала тему эмиграции в Китае и КВЖД с привлечением новых источников. Исследователь анализировала политику вокруг КВЖД, тесно связывая её с повседневной жизнью эмигрантов. Автором определялся численный состав эмигрантов в Маньчжурии, анализировался их статус, рассматривалась история возникновения и деятельности национальных общин. Особый интерес привлекают сюжеты о разнообразных путях в эмиграцию и обратно на Родину [1]. В 2007 г. под авторством С. С. Балмасова вышла в свет 67-я серия книги «Россия забытая», посвящённая российским эмигрантам, участвовавшим в событиях в Китае в период 1920–1945 гг., а именно Гражданской и японо-китайских войнах [6]. В том же году выходит монография Н. Н. Аблажей, в которой автор впервые установила масштабы эмиграции в Китай и реэмиграции из Китая в XX веке. Аблажей в своей работе уделила особое внимание анализу репрессивной политики в отношении реэмигрантов [2].

Отдельно стоит отметить монографию Н. В. Вишневого, вышедшую в 1994 г. В ней автор подробно исследовал японский «показательный» посёлок «Отасу но мори», существовавший с 1926 по 1945 г. им освещается деятельность якутского интеллигента Дмитрия Прокопьевича Винокурова, находившегося тогда в японской эмиграции в поселении Отасу. С 1925 по 1938 г., как пишет автор, Винокуров занимался активной политической деятельностью с целью развязывания войны между Японией и СССР, чтобы добиться отделения Якутии и Северного Сахалина от СССР под протекторат Японии. Как пишет автор, с этой целью Д. П. Винокуров встречался с разными высокопоставленными государственными чиновниками Японии до тех пор, пока не был арестован в 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза [11, с. 158].

В целом в отечественной историографии проблема исследования российской эмиграции отличается разносторонним подходом к её истории, и на сегодняшний день в современной российской исторической литературе представлены различные взгляды и суждения об эмиграции.

Проблема изучения якутской эмиграции. В якутской историографии советскими историками специальные исследования по изучению якутской эмиграции не проводились. Основные крупные исследования были написаны с позиций марксистско-ленинского подхода, делающие упор на борьбу населения Якутии с антибольшевистским движением через призму классовой борьбы. Те, кто выступал против советской власти, назывались «буржуазными националистами». Они, по мнению советских историков, состояли из якутских тойонов, кулаков и купцов. Вместе с белогвардейцами и эсерами подчинялись «Приамурскому белогвардейскому правительству» и их «покровителям» американцам и японцам. Например, А. А. Иванова писала, что «...главарями этих банд были представители тойонатско-кулацкой части улусной интеллигенции». К ним причислялись такие «бандиты-рецидивисты, как Артемьев, Ксенофонтов, Михайлов, Атласов, Егоров и другие...». Далее она писала, что «...главари бандитов заимствовали клеветнические тезисы ярого врага ленинизма Троцкого...» [14, с. 143–145].

Большинство представителей национальной интеллигенции в 1930-х гг. подверглись репрессиям, в их числе стоявшие у истоков создания Якутской АССР в составе РСФСР М. К. Аммосов, П. А. Ойунский, И. Н. Барахов и др. Поэтому в советской историографии некоторые якутские историки занимали крайне жёсткую позицию, как, например, П. У. Петров [19]. Г. П. Башарин ещё в 1942–1943 гг. выступил за восстановление литературного наследия А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова и Н. Д. Неустроева, являвшихся, по мнению историка, основоположниками трёх основных жанров художественной литературы родного народа – поэзии, драматургии и прозы. В итоге Г. П. Башарина за защиту буржуазных националистов, контрреволюционеров и «врагов народа» исключили из партии, лишили кандидатской и докторской учёной степени [7]. Таким образом, в советский период изучение национальной интеллигенции и тем более якутской антибольшевистской эмиграции оставалось вне круга интересов в якутской историографии по причинам идейно-политического характера.

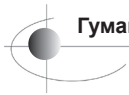
Тема национальной интеллигенции в якутской историографии получила развитие в постсоветское время, разработка которой была связана с рассекречиванием ранее недоступных исследователям архивных материалов. Например, в 1991 г. публикуются работы, посвящённые П. В. Ксенофонтову –

организатору движения конфедералистов в Якутии (1927–1928 гг.) [4]. Выходит в печать с поправками речь П. В. Ксенофонтова. В ней говорится о необходимости разделения законодательной, исполнительной и судебной власти, о защите прав трудового народа и ликвидации партийной диктатуры ВКП(б)¹. Появляется новая тема, не известная якутской историографии, о деятельности М. К. Аммосова как первого секретаря Киргизского обкома ВКП(б). По утверждению автора работы Е. Е. Алексеева, Аммосов, работая в должности первого секретаря Киргизского обкома ВКП(б), боролся за предотвращение арестов безвинно обвинённых в контрреволюционной деятельности, «троцкизме», «правом уклоне», «буржуазном национализме». Но позже сам М. К. Аммосов был репрессирован по обвинению в защите «кыргызских буржуазных националистов» [5].

В 1990-х гг. Г. Г. Макаров, одним из первых среди советских историков, пересмотрел устоявшуюся оценку в советской историографии о том, что якутская интеллигенция вышла из «тойонской» среды и является ядром контрреволюционных буржуазно-националистических сил в Якутии с единой политикой. Макаров считал, что якутская интеллигенция имела патриотический и демократический характер, выступала против царизма и была воспитана у демократически настроенных политссыльных. Историк разделил якутскую интеллигенцию на три политические силы: 1) большевиков, 2) сторонников демократической автономии без участия коммунистов и 3) либеральных сторонников Учредительного собрания, дав общую оценку национально-освободительному движению якутского народа. По мнению Макарова, передовые представители якутского народа стремились найти альтернативный путь развития родного народа в XX веке [17, с. 7–314].

В 2002 г. выходит монография Н. Н. Дьяконовой. В ней автор представила результаты изучения национальной интеллигенции в Якутии, её роли в социокультурной и общественно-политической жизни региона с использованием современных подходов. Она рассматривает якутскую интеллигенцию с самого зарождения и формирования, то есть с первой половины XIX века, когда появляется «предынтеллигенция» и создаются условия для формирования интеллигенции как тако-

¹ Николаев И. Рассекреченные документы. Речь П. В. Ксенофонтова, произнесённая к повстанческой интеллигенции с разных улусов Якутии (конец октября 1927) [Электронный ресурс] // ИЛИН. – 1991. – № 1. – Режим доступа: <http://www.ilin-yakutsk.narod.ru/1991-1/18.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

вой. Вместе с этим Н. Н. Дьяконова впервые в историографии обозначила проблему якутской эмиграции. По мнению автора, первые якутские интеллигенты появились в 80-х гг. XIX в. Особенностью якутской интеллигенции является социальное происхождение – родовая аристократия, улусная знать и тойоны. Якутская интеллигенция была сосредоточена на решении проблем развития якутского общества в русле общецивилизационного процесса. Далее автор пишет, что события Октября 1917 г. и установление советской власти в Якутии раскололи интеллигенцию по отношению к советской власти и будущему развитию Якутии. В конечном итоге, по мнению автора, в 1920-е гг. в рамках «красного террора» началось физическое уничтожение дореволюционной интеллигенции. За годы советской власти, по мнению Дьяконовой, якутская интеллигенция утратила многие духовные ценности и её символы, становясь всё более идеологизированной и однородной [13, с. 39–204].

Одним из специалистов по национальной интеллигенции является Е. П. Антонов. По мнению историка, якутская интеллигенция XIX–XX вв. как социальный слой имела огромное влияние в обществе. Национальная интеллигенция, по утверждению Е. П. Антонова, играла роль посредника между администрацией царской России и массой неграмотных якутов. Двойственный статус интеллигенции в Якутии он объясняет состоянием «цивилизационного пограничья» интеллигенции. С одной стороны, интеллигенция играла выдающуюся роль в формировании национальной идентичности народа и возглавила национально-демократическое движение, с другой – выступала в качестве посредника политики имперской власти [3].

В историографии Якутии, начиная с 1990-х гг., проблема якутской эмиграции стала рассматриваться в трудах историков и краеведов. Стоит выделить якутского писателя и журналиста В. Е. Васильева, известного под псевдонимом Харысхал, который с 2000-х гг. проводит исследовательскую экспедицию в поисках якутов-эмигрантов. В. Е. Васильев во время своих поисков посетил такие города США, как Анкоридж, Сиэтл, Вашингтон, Джунго. Во время поездки работал с фондом Винокурова и нашел потомков Кушнаревых в США. В поисках якутов, бежавших в Финляндию из Соловецкого лагеря, Харысхал посетил Хельсинки, где работал в архиве Финно-угорского научного общества [23]. В 2004 г. В. Е. Васильев опубликовал письма Афанасия Спиридоновича Ефимова, одного из видных деятелей

повстанчества на севере Якутии, и ВЯОНУ, который после гражданской войны в Якутии эмигрировал в Китай¹. Также исследователь издал статью о поиске материалов о якутских эмигрантах в архивах Владивостока, Хабаровска, Харбина и Шэньяна. В результате поиска Васильев обнаружил личное дело якутского купца 1-й гильдии Г. В. Никифорова [10].

М. С. Иванов, под псевдонимом Багдарыын Сулбэ, исследовал судьбы эмигрантов М. Ф. Корнилова, С. К. Старостина и Е. Е. Старостина, которые, отбывая наказание на Соловках, совершили побег в Финляндию.

В 2016 г. Е. Н. Романова публикует статью, посвящённую изучению социальной и коллективной памяти якутских эмигрантов за рубежом. Романова приходит к выводу, что среди эмигрантов существовали разные мнения относительно будущего развития своей родины. Автор отмечает, что наиболее здравомыслящая часть якутских эмигрантов видела Якутию в составе России, но без большевистской диктатуры [21].

Таким образом, тенденцией последнего двадцатилетия было выявление ранее не известных фактов, но в целом тема якутской эмиграции и «якутского мира» за границей осталась вне интересов исследователей, оставаясь в якутской историографии «белым пятном» и потому требует системного исследования.

Заключение. На основании вышеизложенного можем сделать вывод, что если на сегодняшний день современными отечественными историками накоплен значительный массив исследований, в которых всесторонне и объективно освещается тема российской эмиграции и зарубежья, то в якутской историографии тема эмиграции остаётся «белым пятном», являясь важной научной проблемой, требующей исследования. Без всестороннего изучения регионального и локального аспекта истории эмиграции невозможно современное осмысление и оценка событий российской эмиграции. В связи с этим системное исследование якутской эмиграции и «якутского мира» за рубежом в эпоху революций и Гражданской войны, реконструкция национального опыта эмигрантской интеллигенции Якутии в контексте мировой истории представляются актуальными для дальнейшего всестороннего изучения истории российской эмиграции.

¹ Харысхал. Человек, которого я открыл для себя [об уроженце Эльгетского (ныне Абыйского) улуса Верхоянского округа А. С. Ефимове, участнике отряда А. Пепелева] // Илин. – 2004. – № 4. – С. 58.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Русская панорама, 2004. 432 с.
2. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
3. Антонов Е. П. Россия в самоидентификации якутской интеллигенции // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2013. № 1. С. 62–71.
4. Алексеев Е. Е. О так называемой «ксенофоновщине» // Илин. 1991. № 2. С. 27–28.
5. Алексеев Е. Е. Максим Аммосов. Кыргызстан. Трагические дни // Илин. 1997. № 1–2. С. 21–22.
6. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 567 с.
7. Башарин Г. П. Борьба за восстановление литературного наследия (1941–1944) // Илин. 2002. № 1. С. 16–28.
8. Белов В. А. Белое Похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.; П.: Гос. изд-во, 1923. 155 с.
9. В. И. Ленин и история классов и политических партий в России / Л. К. Шкаренков [и др.]. М.: Мысль, 1970. 520 с.
10. Васильев В. В. Русский эмигрант (якут) // Якутский архив. 2004. № 4. С. 118–121.
11. Вишневецкий Н. В. ОТАСУ: этнополитические очерк. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1994. 283 с.
12. Горячкин Г. В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2010. 324 с.
13. Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2002. 240 с.
14. Иванова А. А. Якутская областная партийная организация в годы социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Якутск: Кн. изд-во, 1980. 279 с.
15. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.
16. Квакин А. В. Русская интеллигенция в изгнании. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 276 с.
17. Макаров Г. Г. Северо-Восток России в 1921–1922 гг. Якутск: Бичик, 1996. 336 с.
18. Окороков А. В. Русская эмиграция: политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 336 с.
19. Петров П. У. О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922 // Сборник статей по истории Якутии советского периода. Якутск: Гос. изд-во, 1955. С. 5–29.
20. Пронин А. А. Историография историографии российской эмиграции // Интеллигенция и мир. 2010. № 2. С. 80–95.
21. Романова Е. Н. Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4. С. 59–64.
22. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / науч. ред. С. В. Волков. М.: Центрполиграф. 2005. 479 с.
23. Харысхал. Кушнаревы, Винокуров... Якутская эмиграция (о жизни якутских эмигрантов и их потомках) // Илин. 2003. № 2. С. 74–75.
24. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. М.: Мысль, 1987. 236 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2019; принята к публикации 15.02.2019

Сведения об авторах

Павел Олегович Саввинов, аспирант, Институт истории СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: pavel_savvinov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4260-6225.

Егор Петрович Антонов, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; e-mail: Antonegor@Gmail.com

Вклад авторов в статью

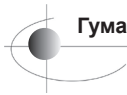
П. О. Саввинов – основной автор, является организатором исследования, анализирует материал исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного исследования, оформляет статью.

Е. П. Антонов – соавтор, осуществляет систематизацию материала исследования, оформляет статью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00414 «Локальная и региональная история в глобальном измерении: мир якутской эмиграции между Востоком и Западом».

Библиографическое описание статьи

Саввинов П. О., Антонов Е. П. Проблема исследования якутской эмиграции в историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 112–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-112-120.

References

1. Ablova, N. E. KVZhD and Russian emigration in China. M: Russian panorama, 2004. (In Rus.)
2. Ablazhey, N. N. From East to East: Russian emigration in China. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. (In Rus.)
3. Antonov, E. P. Russia in the self-identification of the Yakut intelligentsia. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, pp. 62–71, no. 1, 2013. (In Rus.)
4. Alekseev, E. E. About the so-called “ksenophontovschina”. Ilin, pp. 27–28, no. 2, 1991. (In Rus.)
5. Alekseev, E. Maxim Ammosov. Kyrgyzstan. Tragic days. Ilin, pp. 27–28, no.1–2, vol. 9–10, 1997. (In Rus.)
6. Balmasov, S. S. Beloemigranty in military service in China. M: Tsentrpoligraf, 2007. (In Rus.)
7. Basharin, G. P. The struggle for the restoration of literary heritage (1941–1944). Ilin, pp. 16–28, no. 1, vol. 28, 2002. (In Rus.)
8. Belov, V. A. White Hangover. Russian emigration at the crossroads. M; P: Gos. izd-vo, 1923. (In Rus.)
9. V.I. Lenin and the history of classes and political parties in Russia. Shkarenkov, L. K. i drugie. M: Mysl, 1970. (In Rus.)
10. Vasil'ev, V. V. Russian emigrant (Yakut). Yakut archive, pp. 118–121, no. 4, 2004. (In Rus.)
11. Vishnevsky, N. V. OTASU: ethnopolitical essay. Yuzhno-Sakhalinsk: Dal'nevostochnoe kn. izd-vo, 1994. (In Rus.)
12. Goryachkin, G. V. Russian Alexandria. Of the fate of emigration in Egypt. M: Russkij put', 2010. (In Rus.)
13. Dyakonova, N. N. Yakut intelligentsia in national history: Fates and time (late XIXth century – 1917). Novosibirsk: Izd-vo Nauka, 2002. (In Rus.)
14. Ivanova, A. A. Yakut regional party organization in the years of socialist industrialization and preparation for the continuous collectivization of agriculture (1926–1929). Yakutsk: book. ed. 1980: 143–145. (In Rus.)
15. Ioffe, G. Z. The Collapse of the Russian Monarchist Counterrevolution. M: Nauka, 1977. (In Rus.)
16. Kvakina, A. V. Russian intelligentsia in exile. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. (In Rus.)
17. Makarov, G. G. The North-East of Russia in 1921–1922. Yakutsk: Bichik, 1996. (In Rus.)
18. Okorokov, A. V. Russian emigration: Political, military-political and military organizations 1920–1990. M: Avoir Consulting. 2003. (In Rus.)
19. Petrov, P. U. On the rout of the Yakut bourgeois nationalist gangs in 1921–1922. Collection of articles on the history of Yakutia of the Soviet period. Yakutsk: Gos. izd-vo, 1955. 1955: 5–29. (In Rus.)
20. Pronin, A. A. Historiography of the historiography of the Russian emigration. Intelligentsia i mir, pp. 80–95, no. 2, 2010. (In Rus.)
21. Romanova, E. N. Images of national past and future in the perception of the Yakut emigration (memory, oblivion, identity). Northeastern Humanitarian Gazette, pp. 59–64, no. 4, vol. 17, 2016. (In Rus.)
22. Russian emigration in the fight against Bolshevism. Science editor: Volkov, S. V. M: Tsentralpoligraf, 2005. (In Rus.)
23. Haryshal. Kushnaryovs, Vinokurov ... The Yakut emigration (on the life of Yakut emigrants and their descendants). Ilin, pp.74–75, no. 2, 2003. (In Rus.)
24. Shkarenkov, L. K. Agony of white emigration M: Thought, 1987. (In Rus.)

Received: 12 January 2019; accepted for publication February 15, 2019

Information about the author

Pavel O. Savvinov, Postgraduate Student, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: pavel_savvinov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4260-6225.

Egor P. Antonov, Candidate of History, Associate Professor, Leading researcher? Institute of Humanities Studies and Problems of Small Nations of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677027, Russia e-mail: Antonegor@Gmail.com.

Contribution of authors to the article

P. O. Savvinov: the main author, the organizer of the research, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project and analysis of research material.

E. P. Antonov: the co-author, systematization of the research material.

Research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00414 “Local and regional history in the global dimension: the world of Yakut emigration between East and West”.

Reference to the article

Savvinov P. O., Antonov E. P. The Problem of Research of Yakut Emigration in Historiography // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 3. PP. 112–120. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-112-120.